

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ВОЛОГОДСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР РАН

Серия **ИНФОРМАЦИОННЫЙ**
ВЫПУСК № 123 (1604)
« ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ »

ВолНЦ РАН продолжает знакомить своих подписчиков с наиболее интересными, на наш взгляд, публикациями, затрагивающими актуальные вопросы российской экономики и политики.

В выпуске представлена статья «Ленинградское дело» – как Сталин боролся с коррупцией», опубликованная на сайте Н. Старикова, 4 декабря 2018 года. Режим доступа: <https://nstarikov.ru/blog/98651>.

Вологда
декабрь 2018

«Ленинградское дело» – как Сталин боролся с коррупцией

Сталинский период в нашей истории можно условно поделить на три части. Первый фрагмент времени - это период до 22 июня 1941 года, второй - военный, закончившийся капитуляцией Японии 2 сентября 1945 года. И третий – самый малоизученный и неизвестный у нас. При этом о процессах 1937—1938 года активно говорят и пишут, издаются книги, снимают кино. А вот про судебные процессы послевоенного периода пишется очень мало. Между тем, для понимания фигуры Сталина, нашей истории и размеров фальсификации истории этот период крайне важен.

Предлагаю вашему вниманию материал издания «Свободная мысль», главным редактором которого является мой коллега по Изборскому клубу Михаил Геннадьевич Делягин. Материал исчерпывающий. После прочтения которого все вопросы по поводу «невинных жертв», получивших суровый приговор в ходе рассмотрения так называемого «Ленинградского дела», отпадут.

Вот так Сталин боролся с коррупцией...

Источник: svom.info

«Ленинградское дело»: привилегированная жизнь «ленинградских вождей» в первые послевоенные годы

29–30 сентября 1950 года в ленинградском Доме офицеров состоялось заседание Военной коллегии Верховного суда СССР. Вновь, как и во второй половине 1930-х, на скамье подсудимых оказались бывшие члены высшего руководства СССР: на этот раз это были Алексей Александрович Кузнецов и Николай Алексеевич Вознесенский. В недавнем прошлом А. А. Кузнецов был секретарем ЦК ВКП(б) и членом Оргбюро ЦК ВКП(б), Н. А. Вознесенский – членом Политбюро ЦК ВКП(б), заместителем председателя Совета министров СССР и председателем союзного Госплана.

Другие обвиняемые в прошлом также занимали весьма значимые руководящие посты: бывший председатель Совета министров РСФСР и член Оргбюро ЦК партии М. И. Родионов, первый секретарь обкома и горкома ВКП(б) П. С. Попков, второй секретарь горкома ВКП(б) Я. Ф. Капустин, председатель горисполкома П. Г. Лазутин. В числе менее высокопоставленных обвиняемых были два бывших высокопоставленных работника ленинградского партаппарата – завотделом партийных, профсоюзных и комсомольских органов Ленинградского обкома ВКП(б) Т. В. Закржевская и управляющий делами ленинградских обкома и горкома ВКП(б) Ф. Е. Михеев, а также бывший второй секретарь Ленинградского обкома и первый секретарь Ярославского обкома ВКП(б) И. М. Турко.

А. А. Кузнецов, П. С. Попков, Н. А. Вознесенский, Я. Ф. Капустин, П. Г. Лазутин и М. И. Родионов были приговорены к высшей мере наказания – расстрелу с конфискацией всего лично им принадлежащего имущества (причем приговор был приведен в исполнение незамедлительно), остальные – к длительным срокам тюремного заключения.

После суда над «центральной группой» репрессиям подверглись другие работники ленинградских властных структур, а также те, кто ранее работал на руководящих постах в Ленинграде, а затем получил ответственные партийно-государственные посты в других регионах СССР либо в Центре. Некоторые обвиняемые были приговорены к расстрелу.

Сейчас отсутствует полноценное научное исследование, в котором бы на основе детального, всестороннего и беспристрастного изучения всех имеющихся в архивах материалов были рассмотрены причины и ход «ленинградского дела». Поскольку основные массивы документов по «делу» до сих пор находятся на закрытом хранении, и неясно, когда профессиональные историки получат к ним доступ, надеяться на появление в ближайшее время такого исследования не приходится. Доступная источниковая база позволяет лишь уточнить отдельные аспекты в истории «ленинградского дела».

«Установлены многочисленные факты незаконного расходования государственных средств»: Минфин против Ленсовета

Использование служебного положения в личных целях стало одним из обвинений. В приговоре говорилось, что А. А. Кузнецов, П. С. Попков, Н. А. Вознесенский, Я. Ф. Капустин, П. Г. Лазутин, М. И. Родионов и другие представляли собой «вражескую группу» и проводили «вредительско-подрывную работу в партии». Последняя, в частности, заключалась «...в политическом и моральном избиении честных коммунистов в руководящем составе ленинградской организации и смещении их с занимаемых постов, замене их политически разложившимися, антипартийными и антигосударственными людьми с целью навязать ленинградской организации в качестве её руководителей разложившихся людей – пьяниц и воров, обкрадывавших партию и государство, и сделать ленинградскую организацию вполне послушной и угодной им». Приговор четко указывал на коррупцию: «Кузнецов, Попков, Капустин, Лазутин, Турко, Закржевская и Михеев расхищали крупные государственные средства и пользовались ими для личного обогащения» [9. С. 59–60].

Насколько справедливы были эти обвинения, были ли они подтверждены фактами, каковы были формы и масштабы коррупционных действий? Доступные историкам источники не позволяют дать исчерпывающий ответ на эти вопросы. Однако на основе даже имеющихся отдельных документов можно сделать предварительные выводы.

20 сентября 1949 года Министр финансов СССР Арсений Григорьевич Зверев подписал служебную записку на имя Г. М. Маленкова «О грубых нарушениях финансовой дисциплины быв. руководящими работниками исполкома Ленинградского городского совета депутатов трудящихся». На следующий день записка лежала на столе Маленкова, который распорядился ознакомить с ней секретарей ЦК и заместителя председателя Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б) М. Ф. Шкирятова, а также направить её копию Министру государственной безопасности СССР В. С. Абакумову [13. Л. 87–88].

Основные положения этой записки были опубликованы [5. С. 106], тем не менее, интересны конкретные примеры и детали «незаконного расходования государственных средств». Особый колорит они приобретают на фоне свидетельств о тяжелой послевоенной повседневности, когда в некоторых районах Ленинградской области фиксировалось по несколько сотен страдающих от дистрофии, многие десятки из которых погибли. Вновь, как в блокадное время, появились случаи убийства людей с целью каннибализма [3. С. 118–119; 6. С. 240–241]. Поэтому считаем нужным привести текст этой записки полностью:

«Произведенной работниками контрольно-ревизионного управления Министерства финансов СССР по гор. Ленинграду ревизией финансово-хозяйственной деятельности общего отдела исполкома Ленинградского городского совета депутатов трудящихся установлены многочисленные факты незаконного расходования государственных средств бывшим руководством горисполкома и использования ими своего служебного положения в личных целях.

В нарушение постановления СНК СССР от 2 января 1945 года, с санкции бывших председателей горисполкома Попкова и Лазутина периодически устраивались банкеты для бывшего руководства горисполкома с их семьями и для узкого круга лиц из числа городского партийного и советского актива.

Всего с 1946 по 1949 годы израсходовано было на банкеты 296316 рублей, из них 104610 рублей на спиртные напитки. В частности, в мае 1946 года был проведен банкет, на который было израсходовано 22983 руб.; банкет, приуроченный к дню 1 мая 1947 года, обошелся в 43240 рублей; банкет 7 ноября 1947 года – 59820 рублей; встреча нового 1948 года – 9264 рубля; банкет по случаю празднования в январе 1949 года 5-й годовщины снятия блокады Ленинграда – 58000 рублей.

На бесплатное угощение в 1946–1948 гг. членов президиума в дни торжественных заседаний и сессий, а также руководящих работников в праздничные дни на трибунах, стадионах и в других местах израсходовано 137892 рубля, в том числе 24956 рублей на напитки.

Кроме бесплатного снабжения продуктами через сектор спецназначения Ленинградского областного управления Министерства госбезопасности СССР и получаемой дотации на питание через столовую, руководство горисполкома тт. Попков, Лазутин, их заместители и быв. секретарь горисполкома т. Бубнов незаконно, сверх установленных лимитов и ассигнований на социально-бытовые нужды бесплатно получали питание и продукты из буфета и других мест всего за 1946–1947 годы на сумму 302382 рубля, в том числе на 104556 рублей продукты при поездках тт. Попкова, Лазутина, членов их семей и сопровождающих лиц. Отпуск продуктов на квартиру т. Лазутину, на банкеты для бывшего руководства горисполкома и их семей и на поездки в Москву в бухгалтерском учете отнесены на расходы по приему делегаций и на прочие затраты.

За счет государственных средств оплачивались также квартиры, дачи, домашние телефоны, папиросы и т.д. В частности, содержание квартир, занимаемых т. Лазутиным (особняк под шифром К-1 и квартира на ул. Карповка, 13) обошлось за 1946–1949 годы в 115091 руб., из которых на содержание домашней прислуги израсходовано 17549 рублей и на фураж для коровы 9180 рублей.

За счет средств горисполкома оплачено было в 1946 году содержание квартир тт. Попкова и Кузнецова – 6197 рублей и 8 дач руководящих работников – 12804 руб. Всего произведено незаконных расходов на руководящий состав горисполкома в количестве 7 человек (т. Лазутин, его заместители и быв. секретарь исполкома) 664842 руб., не считая затрат на банкеты и угощения и за счет фонда соцбыта Ленгорисполкома.

Из ассигнований по «прочим (особым) расходам» Ленгорисполкома израсходовано было 443681 руб. на содержание особняка под шифром К-2, предназначавшегося для официальных приемов делегаций, а используемого главным образом как место отдыха в воскресные и праздничные дни для руководства Ленгорисполкома и их семей.

С июня 1946 года по июнь 1949 года при Ленгорисполкоме существовало незаконно организованное охотничье хозяйство, в дальнейшем переименованное в рыболовецкое хозяйство для обслуживания личных интересов небольшого круга руководящих работников. Финансирование этой охотничьей базы производилось за счет фонда соцбыта, «особых расходов», местного бюджета, сметы управления домами горисполкома и других с грубым нарушением финансовой дисциплины. Так, в 1947 году из средств соцбыта Ленгорисполкома было уплачено сануправлению горздравотдела 41281 руб. якобы за путевки. Фактически эти деньги были израсходованы здравницей «Репино» на продукты и спиртные напитки для приезжавших на охотничью базу. За счет ассигнований расходовались средства на покупку боеприпасов, охотничьих собак, подсадных уток и т.д. Никакого систематического учета по улову рыбы, удою молока, сбору картофеля и овощей на базе не велось, что создавало условия для преступных действий лиц, имевших отношение к базе. Продукция полностью не приходовалась. Прямой ущерб государства от этой базы составляет более 245 тысяч рублей.

За счет ассигнований «на прочие (особые) расходы» делались дорогостоящие подарки руководящим работникам: т. Попкову золотые часы стоимостью в 5350 рублей, быв. секретарю обкома и горкома ВКП(б) т. Кузнецову подарена была художественная ваза с его личным портретом стоимостью в 5400 рублей, врученная ему т. Попковым, для него же приобретены были за 3000 рублей две книги «Царская охота», быв. секретарю горисполкома т. Бубнову и трем другим ответственным работникам горисполкома выданы были костюмы на сумму 4738 рублей, было закуплено и роздано руководящим работникам патефонных пластинок на 8254 руб., на новогодние пакеты с продуктами для работников исполкома израсходовано было 5000 рублей.

Часть инвентаря из Мариинского дворца на сумму 172700 рублей была передана в личное пользование отдельных работников, проживающих в домах Ленсовета, главным образом, на обмелирование особняка К-1 (квартиры т. Лазутина).

Поступившие в горисполком трофейные пианино и радиоприемники разбазаривались среди работников исполкома. Так, в личное пользование т. Лазутина было передано два трофейных пианино стои-

мостью в 8000 рублей; начальник трамвайно-троллейбусного управления Ленгорисполкома т. Сорока был премирован трофейным пианино; было продано работникам горисполкома по низким ценам 6 трофейных радиоприемников и стенные часы.

Из средств, предназначенных на оказание единовременной помощи нуждающимся гражданам, было незаконно израсходовано 10765 рублей на выдачу пособий штатным работникам исполкома и его отделов. Из ассигнований по соцбыту незаконно израсходовано было 40558 рублей на выдачу пособий сверх месячного оклада содержания.

На содержание особой парикмахерской для руководящих работников Ленгорисполкома затрачено было в 1946–1947 году 9312 руб. за счет ассигнований на «прочие расходы».

С целью искусственного сокращения остатка бюджетных средств на 1 января 1948 года, 31 декабря 1947 года закуплено было на 19400 рублей письменных приборов и перечислено 85000 рублей ленсануправлению Ленгорздравотдела в счет оплаты путевок на 1948 год.

В 1946–1949 гг. незаконно оплачено было командировочных, не подтвержденных оправдательными документами, 38633 руб., в том числе по авансовым отчетам т. Лазутина 23675 рублей.

В нарушение инструкции о проведении денежной реформы выписанные, но не полученные до 15 декабря 1947 года рядом руководящих работников Ленгорисполкома и его отделов денежные пособия были выданы позже полностью рубль за рубль, вместо одной десятой части. В результате была допущена переплата 17630 рублей.

Сообщая об изложенном, Министерство финансов СССР направляет на Ваше рассмотрение проект постановления Совета министров СССР по данному вопросу» [13. Л. 88–92].

К записке А. Г. Зверева был приложен трехстраничный проект постановления Совета министров СССР «О грубых нарушениях финансовой дисциплины и расхищении государственных средств бывшими руководящими работниками исполкома Ленинградского городского совета депутатов трудящихся». Констатирующая часть проекта постановления представляла собой сокращенный вариант той же записки, постановляющая состояла из двух пунктов. В первом Совет министров СССР поручал генеральному прокурору СССР Г. Н. Сафонову «...привлечь к уголовной ответственности лиц, допустивших расхищение государственных средств в исполкоме Ленинградского городского совета депутатов трудящихся». Второй пункт обязывал нового председателя Ленинградского горисполкома А. А. Кузнецова (бывший директор Ижорского завода) «...навести порядок в финансовом хозяйстве горисполкома, установив строжайшую финансовую дисциплину и привлекая к уголовной ответственности лиц, допускающих незаконное расходование государственных средств».

Г. М. Маленков рассудил иначе. В начале октября по его предложению Секретариат ЦК принял постановление о передаче записки А. Г. Зверева на рассмотрение в цеховскую комиссию партконтроля и в Министерство госконтроля СССР [13. Л. 86–87, 93–95]. Действия Маленкова оправданны: материалы проверки Минфина пошли в те инстанции, которые уже были задействованы в расследовании по «делу», имели необходимый потенциал и опыт в рассмотрении подобных финансово-хозяйственных злоупотреблений, а также полномочия проверять партийные структуры.

«Это вы барином большим стали. Вы – большущий барин!» Картины из жизни ленинградской партноменклатуры

С 1949 года на партийных конференциях и пленумах, проходивших в Ленинграде, оглашались факты «антипартийных» действий бывшего городского и областного начальства, часть которых можно квалифицировать как использование служебного положения в личных целях. Некоторые сведения о коррупции были обнародованы на IX Ленинградской городской партконференции в мае–июне 1950 года. Первый секретарь горкома Ф. Р. Козлов, выступивший с основным докладом, сообщил о растратах миллионов партийных и государственных средств на личные катера для прогулок, содержание охотничьих хозяйств и банкеты: «Только за 1947 год из партийного бюджета, не считая поборов с

предприятий, на банкеты было растрачено более двух миллионов рублей. Из партийной кассы на содержание семьи Попкова противозаконно затрачивалось более 2000 рублей в сутки» [11. Л. 62].

Как следовало из доклада, к каждому празднику с предприятий легкой и пищевой промышленности бывшие секретари горкома под видом получения образцов вымогали большое количество выпускаемой продукции. Эти «образцы» Капустин лично распределял среди ответственных работников горкома. Банкеты устраивали в Смольном, на дачах Попкова и председателя горисполкома Лазутина, в зданиях райкомов партии, в ресторанах. Поводом служили как государственные праздники, так и назначение на вышестоящие должности. Так, перевод первого секретаря Куйбышевского райкома г. Ленинграда Т. В. Закржевской на работу в аппарат ЦК ВКП(б) вначале отмечали в ресторане «Москва» (как уточнил секретарь партколлегии А. Я. Новиков, ресторан специально закрыли для посетителей, виновнице торжества несмотря на февраль месяц преподнесли корзину роз [11. Л. 253]), затем устроили застолье на квартире Закржевской.

В райкомах копировали поведение городского начальства, для организации празднеств тоже практиковали поборы с предприятий. В качестве примера Ф. Р. Козлов привел Выборгский райком ВКП(б), ранее возглавлявшийся Г. Т. Кедровым. Директор Ленинградской кондитерской фабрики имени Микояна Л. Е. Мазур однажды привез столько «образцов продукции», что еле втащил на второй этаж райкома. «Когда потный и запыхавшийся Мазур явился в приемную Кедрова и его спросили: «Что это?», Мазур, ухмыляясь и показывая в сторону кабинета Кедрова, сказал: «Это – дегустация!». Перевод Кедрова в горком в 1946 году райкомовские работники праздновали два дня. Начали в разгар рабочего дня в самом райкоме, закрыв его для посторонних. Вечером застолье переместилось на квартиру заведующей особым сектором райкома, а на следующий день продолжили уже на квартире самого Кедрова. Виновнику торжества преподнесли большую картину, которая висела в райкоме и была приобретена на партийные деньги. В другом райкоме, Свердловском, его первый секретарь Краснов для застолий приспособил райкомовский парткабинет (библиотеку). Проблему с нехваткой места решили просто: пособия по истории и теории большевизма перенесли в подвал. В конечном итоге пагубное пристрастие Краснова довело его до того, что за водку в Тресте столовых он заложил некоторые вещи райкома [11. Л. 63–64, 71].

«Насаждалась распущенность, пьянство, парадность и шумиха, самовосхваление, глушилась большевистская критика и самокритика, на руководящие посты протаскивались чуждые партии, сомнительные люди, замаскированные враги партии – троцкисты и зиновьевцы, которые продолжали вести враждебную работу против партии и ЦК ВКП(б), – громил с трибуны Козлов. – Антипартийная группа культивировала в руководящих организациях семейственность, круговую поруку, широко применяла и поощряла подачки, подкупы и другие способы разложения актива» [11. Л. 62].

Ф. Р. Козлов привел, в частности, следующий пример: «Участники антипартийной группы и их приспешники расхитили ценности в Ленинградском ломбарде, а документы сожгли» [11. Л. 63]. Вероятно, речь шла об установленных в ходе ревизии фактах приобретения прежним руководством в ломбарде и ювелирторге ценностей, невостребованных умершими ленинградцами. Ценные вещи были куплены за государственный счет, и затем использованы для премирования партийных и исполкомовских чиновников [20. С. 286].

В другие подробности Ф. Р. Козлов на этой конференции не вдавался. О них говорили остальные делегаты конференции, некоторые детали озвучивались на пленарных заседаниях горкома и обкома. Ряд обличающих фактов обнаружил секретарь партколлегии при обкоме и горкоме ВКП(б) А. Я. Новиков – опытный партийный следователь, бывший ответственный контролер Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б), в обязанности которого входили разбирательства по коррупционным делам.

Большое значение бывшие ленинградские руководители придавали своему отдыху, на который не жалели государственных средств. Отдыхали и на дачах, и в так называемой «десятке» – однодневном доме отдыха обкома и горкома на Каменном острове, в доме № 10 (отсюда название). Еще одну дачу

«для отдельных руководителей города» при санатории организовал заведующий Ленинградским городским здравотделом Ф. И. Машанский. Дача содержалась за счет горздравотдела, и для высокопоставленных отдыхающих – не самой нуждающейся категории населения — там было предусмотрено бесплатное питание [18, Л. 25; 11. Л. 252].

Петр Сергеевич Попков слыл заядлым охотником. Чтобы быстро и комфортно добираться до охотничьего хозяйства, он и его приближенные пользовались специальной железнодорожной дрезиной. Учитывая, что на переоборудование специального железнодорожного вагона для него ушло более 200 тысяч рублей, следует полагать, что и эта дрезина была достаточно комфортабельной. Особенно если учесть, что, когда первый секретарь направлялся на охоту, этой дрезине придавался статус «литерного», «правительственного» подвижного состава. При движении по магистрали «литерная дрезина» обладала приоритетом, другие поезда подстраивались под график её движения. Начальники станций, обеспечивая прохождение «правительственного поезда», лично исполняли роль стрелочников. Не только доставка больших чинов, но и содержание охотничьего хозяйства также требовало немалых затрат. Исключительно партийных средств на это не хватало: использовались даже деньги из системы здравоохранения. Услужливый заведующий горздравом Машанский перевел для этих целей 50 тысяч рублей и снабжал охотников спиртом [11. Л. 251–252].

Положенным отпуском П. С. Попков не пренебрегал, и ежегодно «с помпой» отправлялся на отдых. Об этом говорил Я. Ф. Капустин, оскорбленный на февральском 1949 года пленуме обкома и горкома предъявленными ему Попковым обвинениями в пьянстве и чрезмерном властолюбии. В ответ Капустин с трибуны пленума заявил в лицо Попкову: «Это вы баринoм большим стали. Вы – большущий барин!» [18. Л. 50].

Начальство понижe материальными благами также обделено не было. Перед отъездом на работу в Москву, уже будучи назначенным секретарем ЦК, А. А. Кузнецов рекомендовал работникам горкома и горисполкома строить себе дачи. Многие с охотой принялись за строительство, залезая при этом в «государственный карман». Дачи для исполкомовского начальства возводились, в частности, силами и средствами управления строительства Ленинградского горисполкома, занимавшегося строительством жилых домов и школ. Тогда же Кузнецов решил наделить первых секретарей райкомов персональными автомашинами. «Нуждались ли в этом первые секретари? – задавался вопросом завотделом горкома партии А. Ф. Павлов на февральском пленуме обкома и горкома 1949 года, сам бывший первый секретарь Смольнинского райкома, впоследствии репрессированный по «ленинградскому делу». – У каждого первого секретаря районного комитета ленинградской партийной организации имеется не по одной, а по две автомашины. Зачем потребовалось ещё давать по персональной машине?». Секретари райкомов обзавелись персональными дачами, обнося их трех-четырёхметровыми заборами: «...скрывали то, что делают, от глаз народа» [18. Л. 70; 11. Л. 177, 180; 12. Л. 85].

Большие масштабы в Ленинграде приобрело использование партийным начальством материальных ресурсов и денежных средств государственных организаций и промышленных предприятий в личных целях. Подобная практика получила широкое распространение в СССР в середине 1940-х годов и вызывала немалую обеспокоенность высшего руководства страны. Свидетельство тому – специальное постановление Политбюро ЦК ВКП(б) от 2 августа 1946 года, где среди прочего говорилось: «Осудить практику премирования хозяйственными руководителями руководящих партийных и советских работников как неправильную и вредную. Разъяснить, что такая практика премирования, получения подачек, наград приводит к неправильным взаимоотношениям между партийными и хозяйственными органами, по существу носит характер подкупа, ставит партийных работников в зависимость от хозяйственных руководителей, приводит к отношениям семейственности и связывает парторганизации в критике недостатков в работе хозяйственных организаций, в силу чего руководящие партийные работники теряют свое лицо и становятся игрушкой в руках ведомств в ущерб интересам государства». Политбюро запретило партийным и советским работникам получать премии или награждения от ми-

нистерств и хозяйственных организаций. Следом была опубликована передовая статья в газете «Правда», где были даны недвусмысленные разъяснения по этим вопросам [19. С. 156–157; 7].

Выступая на Ленинградской городской партконференции 1950 года, секретарь партколлегии А. Я. Новиков привел пример бывшего секретаря Ленинградского горкома ВКП(б) Пантелеймона Ивановича Левина: «За преступные дела Левина в 1943 году сняли с поста секретаря Дзержинского райкома партии, но вскоре назначили секретарем Свердловского райкома партии, где он без зазрения совести занимался расхищением государственных средств. Только на отделку квартиры для своей матери он израсходовал более 30 тысяч рублей государственных средств. Левин брал с предприятий всё, что попадалось под руку: автомашину и пылесос, радиоприемник и бензин, обувь и отрезы на костюмы. За счет предприятия ему специально изготовили лодку».

Другой партийный начальник, первый секретарь Василеостровского райкома партии Нестеров вместе с третьим секретарем этого райкома Журавлевым за счет поборов с подведомственных предприятий устраивал попойки. Для кутежей и сексуальных утех они использовали отдельную квартиру, куда приглашали сотрудниц райкома. Порой пьянки затягивались, и, чтобы скрыть прогул их участниц, тем выдавали фальшивые больничные листки [11. Л. 250–251, 254]. О другом случае, уже в Кировском районе, когда партийные начальники воспользовались материальными благами завода, на пленуме в феврале 1949 года рассказал П. С. Попков. В результате разбирательств кто-то лишился должности, а первый секретарь Кировского райкома А. Я. Тихонов, впоследствии прославившийся фальсификацией итогов тайного голосования на ленинградской партконференции, и директор Ленинградского Кировского завода А. Л. Кизима отделались выговорами [18. Л. 54].

Руководители предприятий и организаций, оказывавших услуги партийному начальству, внакладе не оставались. Они чувствовали себя полноправными хозяевами в своих владениях, пользовались государственными ресурсами в личных целях, устанавливали свои порядки и расправлялись с неудобными, не опасаясь жалоб в вышестоящие партийные инстанции, так как там сидели «свои люди». Тот же директор кондитерской фабрики Мазур недовольных, не желавших исполнять его прихоти, убирал с фабрики, либо в наказание направлял на тяжелые работы – лесозаготовки, торфоразработки и другие [11. Л. 71].

Анализ архивных материалов позволяет предположить, что на партийных конференциях и пленумах в Ленинграде говорилось далеко не всё, что касалось «антипартийного поведения» бывшего начальства. Часто звучали лишь общие фразы об «антипартийных действиях», «враждебной деятельности», «расхищении социалистической собственности», «недостойном поведении», а о том, в чем заключались эти действия, оставалось лишь догадываться. Блокадный период при критике стремились обходить стороной. Лишь Новиков посмел нарушить это «табу» и рассказал делегатам конференции о поведении в те годы некоторых начальников, в частности, о пьянстве и разврате руководителей завода имени Жданова – парторга ЦК Семенова и директора Боголюбова, которые в пьяном виде стреляли по портретам «руководителей партии и правительства» прямо в парткоме, а также о первом и втором секретарях Кировского райкома Ефремове и Кирееве, организовавших в Доме культуры так называемый «штаб», где вместе с подчиненными сотрудницами райкома устраивали пьяные оргии [11. Л. 252, 254].

Значительно больше подобной информации содержат документы Секретариата ЦК ВКП(б), КПК при ЦК ВКП(б) и МГБ СССР. Вероятно, это было связано с тем, что обнародование некоторых «антипартийных действий» ленинградского начальства в военные (особенно блокадные) и послевоенные годы могло нанести непоправимый репутационный ущерб власти.

«...Тем самым был нанесен ущерб делу нормального снабжения жителей города продовольствием, особенно в период блокады»

Когда в начале октября 1949 года Секретариат ЦК ВКП(б) поручил провести проверку фактов грубого нарушения финансовой дисциплины, изложенных в записке Министра финансов СССР А. Г. Зве-

рева, в Ленинград для проверки выехали ответственный контролер комиссии партконтроля В. Синельщиков и главный государственный контролер Министерства госконтроля П. Разуваев.

Проверка подтвердила, что «...бывшие руководители Ленинградского горсовета длительное время расхищали и разбазаривали большие суммы денежных средств, отпускаемых Правительством на строго целевое назначение». В результате изысканий проверяющих суммы выявленных нарушений заметно увеличились. «На устройство банкетов для узкого круга лиц из числа городского партийного и советского актива с 1943 по 1948 гг. незаконно было израсходовано 839161 руб., в том числе 118699 руб. на спиртные напитки, – говорилось в служебной записке В. Синельщикова и П. Разуваева на имя зампреда КПК при ЦК ВКП(б) М. Ф. Шкирятова и Министра госконтроля Л. З. Мехлиса. – На бесплатное угощение руководящих работников в праздничные дни на трибунах, стадионах и в других местах с 1942 г. по 1947 г. израсходовано 431529 руб., из них 143833 руб. на спиртные напитки». Проверка подтвердила выявленные Минфином суммы, израсходованные бывшими руководителями горсовета на сверхлимитное питание и продукты, а также на содержание особняка для официальных приемов, использовавшегося «...как место пьянок бывших руководителей горсовета и их членов семей». Проверяющие уточнили сумму расходов на оплату квартир, дач, домашних телефонов и тому подобное – свыше 130 тысяч рублей с 1946 по 1949 год [14. Л. 62].

Проверка установила как исполнителей финансовых махинаций, подписывавших финансовые документы, так и тех, кто отдавал распоряжения о незаконном перечислении и расходовании средств. К таковым были отнесены несколько бывших начальников «среднего звена»: начальник бюджетного управления Ленинградского городского финотдела А. Н. Процко, заместитель заведующего горфинотделом Г. Л. Рабинович, главный бухгалтер общего отдела Ленинградского горсовета Д. М. Щеглов, заведующий торговым отделом горсовета И. А. Андреев и начальник Ленглавресторана А. И. Фельдман.

В вину А. Н. Процко поставили систематическое нарушение установленного Минфином СССР порядка: с 1941 года она открывала кредиты для общего отдела горсовета по статье «прочие (особые) расходы», не имея сметы и расшифровок, и «...тем самым содействовала бывшим руководителям горсовета расхищать и разбазаривать государственные средства». Процко состояла в приятельских отношениях с председателем горсовета П. Г. Лазутиным и первым секретарем Куйбышевского райкома партии г. Ленинграда Т. В. Закржевской, была одним из организаторов банкета по случаю проводов последней на работу в ЦК ВКП(б). Лазутин и Закржевская помогали продвижению по служебной лестнице столь ценного для них работника.

О незаконных действиях Процко было известно её бывшему начальнику – первому заместителю заведующего горфинотделом Г. Л. Рабиновичу, который на них не реагировал. Он и сам помогал ленинградскому начальству. Так, в 1942 году он отдал распоряжение Дзержинскому районному финотделу г. Ленинграда о передаче общему отделу горсовета конфискованных золотых изделий (золотые часы, браслеты и т.д.) на 46267 рублей, которые в основном были присвоены руководящими работниками горсовета. Этим он нарушил инструкцию Минфина, согласно которой все подобные ценности должны были сдаваться в его управление драгоценных металлов. В 1945 году Рабинович установил заведомо заниженные цены на трофейные легковые автомобили, приобретаемые работниками горсовета. Один из ушлых чиновников уплатил в горфинотдел за автомашину полторы тысячи рублей и тут же перепродал её фабрике «Работница» за 20000 рублей, другой – купил за 1200 рублей и продал её свиноводтресту за 14 тысяч. Вряд ли Рабинович помогал этим спекуляциям безвозмездно.

Не все финансовые работники были заражены рвачеством. Старший инспектор по штатам Смольнинского районного финотдела Винницкий в 1948 году сообщил в Ленинградский горком ВКП(б), что с разрешения Рабиновича были незаконно израсходованы государственные средства в Балтийском морском пароходстве в размере 54 тысяч рублей и в больнице имени Боткина – 109 тысяч. Факты в ходе проверки подтвердились, но Рабиновича взял под защиту секретарь горкома Г. Т. Кедров, и тот не был привлечен ни к партийной, ни к уголовной ответственности [14. Л. 62–64].

Проверяющие подтвердили некоторые факты, установленные минфиновскими работниками. Среди них расходование более 40 тысяч рублей на «царскую охоту» – продукты, спиртные напитки, охотничьи боеприпасы и собак для руководителей горсовета, проведенные по документам как путевки. Здесь же оплата более 100 тысяч рублей, затраченных на продукты и спиртные напитки для поездок Попкова, Лазутина и других в Москву, оплата командировочных для руководителей горсовета без подтверждающих документов. Проверяющие установили, что оформлением этих финансовых документов, относящихся к так называемым особым расходам, занимался главный бухгалтер Ленинградского горсовета Д. М. Щеглов, и что большинство их было фиктивными [14. Л. 64].

«Систематическое расхищение и разбазаривание государственных денег в больших размерах бывшими руководителями Ленгорсовета стало возможным также и потому, что бывший заведующий отделом торговли горсовета т. Андреенко (в настоящее время работает заместителем министра торговли Эстонской ССР) и бывший начальник Ленглавресторана т. Фельдман в период карточной системы самовольно отменили установленный Правительством порядок расходования и отчетности нормированных продуктов, – указывалось в служебной записке В. Синельщикова и П. Разуваева. – Они предоставили право руководителям столовых Смольного, Ленинградского обкома партии и Ленгорисполкома расходовать продукты питания без соблюдения каких-либо норм и лимитов, а также освободили их от отчетности перед контрольно-учетным бюро, что привело к разбазариванию большого количества продуктов питания, отпускаемых Правительством для трудящихся города Ленинграда, тем самым был нанесен ущерб делу нормального снабжения жителей города продовольствием, особенно в период блокады» [14. Л. 64].

Проверяющие установили, что Андреенко был приближенным к А. А. Кузнецову, П. С. Попкову, П. Г. Лазутину и «...вместе с ними разбазаривал государственные средства и продукты питания». Андреенко был участником всех начальственных банкетов и вечеринок, регулярно выезжал вместе с Лазутиным в особняк «К-2», где устраивались «попойки за счет государственных средств». Позже, переехав на работу в Москву, Андреенко почти ежедневно навещал прибывшего в командировку Лазутина. В вагоне Лазутина они пьянствовали, и за период с 17 по 26 марта 1947 года потратили на спиртное и закуски три с лишним тысячи. Расходы были оплачены общим отделом Ленинградского горсовета из средств, предназначенных на охрану Смольного.

Начальник Ленглавресторана А. И. Фельдман тоже, как мог, старался скрасить трудовые будни начальства. «Желая выслужиться и угодить бывшим руководителям Ленгорсовета, т. Фельдман, несмотря на достаточное количество мяса, имевшегося на базах, систематически производил забой молодняка (телят и поросят) для снабжения узкого круга руководящих работников, тем самым наносил ущерб делу восстановления животноводства», – указывалось в записке [14. Л. 65].

Андреенко и Фельдман не даром выслуживались перед «ленинградскими вождями»: Фельдмана выдвинули на ответственную работу в Министерство торговли СССР, а Андреенко – в аппарат ЦК ВКП(б). При выдвижении Фельдмана в министерство ленинградское начальство умолчало, что тот за неправильное отношение к кадрам (грубость) в 1944 году не был избран в состав членов бюро парторганизации управления Ленглавресторана.

Проверяющие отметили, что Минфин РСФСР ежегодно без смет и расшифровок перечисляло в бюджеты Ленинграда и Ленинградской области 7,1 млн.руб. на охрану Смольного. На деле на эти цели шло в несколько раз меньше, а остальные деньги «расхищались» и «разбазаривались»: «Отсутствие всякого контроля со стороны финансовых органов за расходованием отпускаемых средств на «прочие расходы» создало благоприятную почву для крупных злоупотреблений бывшими руководителями Ленгорсовета» [14. Л. 65].

Проверка шла долго. Ее результаты были рассмотрены на заседании бюро КПК при ЦК ВКП(б) лишь в марте 1950 года. На заседании присутствовали не только фигуранты, которых поголовно исключили из партии, но и заместитель Министра финансов СССР К. Х. Янбухтин, а также Министр

финансов РСФСР И. И. Фадеев. В записке зампреда комиссии М. Ф. Шкирятова, направленной на имя Г. М. Маленкова, была названа сумма, которой исчислялось незаконное расходование бюджетных средств Ленинградского горсовета – более 2 миллионов 146 тысяч рублей. Заседание бюро комиссии позволило уточнить обвинения в адрес бывшего первого заместителя заведующего Ленинградским городским финотделом Г. Л. Рабиновича. Как отмечалось в итоговых документах, Рабинович неоднократно (а не единственный раз в 1942 году) давал незаконные распоряжения о передаче общему отделу горсовета конфискованных золотых изделий, которые затем присваивались руководителями горсовета [14. Л. 57–60].

Золотые часы и драгоценное оружие для ленинградских товарищей

О том, что «ленинградские вожди» питали слабость к драгоценным изделиям, в частности, следует из «дела» директора Челябинского Кировского завода И. М. Зальцмана, которое рассматривалось в Секретариате и КПК ЦК ВКП(б) в 1949 году.

В 1944–1945 годах по заказу Исаака Моисеевича Зальцмана на Златоустовском инструментально-металлургическом заводе № 391 было для вручения ленинградскому начальству изготовлено несколько экземпляров дорогостоящего подарочного оружия. Златоустовские мастера изготовили меч для члена Политбюро ЦК ВКП(б) А. А. Жданова, шашки для командующего Ленинградским фронтом маршала Л. А. Говорова и секретаря Ленинградского обкома ВКП(б) А. А. Кузнецова. Оружие было отделано золотом и драгоценными камнями (по свидетельству председателя завкома челябинского завода В. Г. Силуянова – рубинами), украшено знаменитой златоустовской гравировкой. Над украшением работал ведущий художник, знаменитый златоустовский мастер-гравёр Александр Иванович Боронников – автор большинства уникальных подарочных произведений, преподнесенных руководителям страны и военным деятелям в 1930–1940-е годы. На изготовление этого оружия было затрачено более 100 тысяч рублей из средств Челябинского Кировского завода [2; 16. С. 119].

По официальной легенде, инициатором был трудовой коллектив завода, решивший собрать деньги на подарки для членов Военного совета Ленинградского фронта и отметить таким образом их вклад в прорыв блокады и разгром немецких войск под Ленинградом. В действительности директор завода И. М. Зальцман и парторг М. Д. Козин пошли на столь высокие траты, исходя исключительно из личных интересов. До эвакуации осенью 1941 года в Челябинск Зальцман и Козин занимали те же должности на Кировском заводе в Ленинграде и в обмен на подарки рассчитывали получить содействие в их возвращении на руководящие посты в Ленинград. Поэтому в то время, когда материально-бытовые условия рабочих Челябинского Кировского завода были катастрофическими, служили причинами массового недовольства и масштабного бегства работников, а заводское начальство отказывало в выделении даже 3000 рублей на ремонт разваливающейся землянки, деньги на подарки были изысканы.

Меч А. А. Жданову, шашки Л. А. Говорову и А. А. Кузнецову были вручены делегацией из четырех заводских коммунистов во главе с парторгом М. Д. Козиним, специально прибывшими для этого в Ленинград. Поездка для Михаила Дмитриевича Козина завершилась успешно: вскоре он получил назначение на должность уполномоченного ВЦСПС по Ленинграду и области и с весьма внушительным скарбом, которым успел обзавестись за годы войны, перебрался из Челябинска в Ленинград.

Успех Козина решил повторить директор И. М. Зальцман. По его указанию за счет средств завода в Москве были приобретены трое золотых часов общей стоимостью более 40 тысяч рублей (стоимость двух часов – 38580 рублей – была подтверждена документально, документы на третьи часы найти не удалось). Часы Зальцман в том же 1945 году привез в Ленинград и вручил их первому секретарю обкома и горкома А. А. Кузнецову, второму секретарю горкома Я. Ф. Капустину и председателю горисполкома П. С. Попкову [16. С. 119–120].

Зальцман развил «подарочную активность», по всей видимости, не случайно: на Ленинградском Кировском заводе летом 1945 года меняли директора. Для него эта поездка завершилась безрезультат-

но. Вероятно, причиной неудачи стал высокий уровень должностей – и занимаемой им, и той, на которую он претендовал. Здесь «ленинградцы» не были всемогущими. Директора обоих предприятий (в Ленинграде и Челябинске) находились на особом контроле у наркома В. А. Малышева и в высших партийных инстанциях. Москва предпочла Зальцману главного инженера Уралмашзавода А. Л. Кизиму, которого в июне утвердили директором Ленинградского Кировского завода [17. Л. 8]. Менее высокая должность М. Д. Козина дала ему преимущество: для его перевода на профсоюзную работу в Ленинград не требовались многочисленные согласования в Кремле и на Старой площади.

Как свидетельствуют документы Секретариата ЦК партии и КПК, многие ленинградские начальники улучшали свое материальное положение, злоупотребляя своим служебным положением. Секретарь Куйбышевского райкома ВКП(б) Т. В. Закржевская заняла квартиру репрессированного и присвоила его имущество. Она пользовалась услугами предприятий района, защищая от уголовного преследования руководителей этих предприятий, уличенных в воровстве. Дополнительную уверенность Закржевской придавала надежная поддержка в горкоме. Хотя о ее «недостойном поведении» писали в «Ленинградской правде», поступали заявления в горком, а проверки подтверждали её виновность, в горкоме «дело Закржевской» замяли. Мало того, предоставили ей хвалебную характеристику, когда в январе 1948 года она переходила на работу в аппарат ЦК ВКП(б).

Председатель Выборгского райсовета А. Я. Тихонов в годы войны получил партвзыскание за скупку мебели на хлебные карточки. Несмотря на это, в 1944 году его выдвинули на должность секретаря Фрунзенского райкома ВКП(б). Став впоследствии секретарем Кировского райкома ВКП(б), он вновь получил взыскание за невыполнение решения ЦК ВКП(б) о запрещении премирования партийных работников хозяйственными организациями. Но и это не отразилось на его карьере: вскоре его выдвинули кандидатом в депутаты Верховного совета РСФСР, а в ноябре 1948 года утвердили заведующим отделом тяжелой промышленности Ленинградского горкома ВКП(б). Через месяц Тихонов отблагодарил «ленинградских вождей», сфальсифицировав результаты голосования на областной и городской партконференции.

Успешно выслуживался перед начальством секретарь райкома партии П. И. Левин. «Будучи секретарем Свердловского райкома ВКП(б) г. Ленинграда, Левин широко практиковал устройство банкетов и вечеров за счет государственных и партийных средств, – говорилось в служебной записке отдела ЦК ВКП(б) на имя Г. М. Маленкова. – Только за период с января по август 1946 года было израсходовано на пьянки 159 тыс. рублей. Устраивая вечера и банкеты для встречи с бывшими руководителями обкома и горкома Кузнецовым, Попковым и Капустиным, Левин всячески угождал и пресмыкался перед ними, создавая вокруг них ореол славы и дутого авторитета».

Не удивительно, что его карьера складывалась успешно. В 1946 году он стал заведующим отдела оборонной промышленности Ленинградского горкома, в следующем году стал заведующим оргинструкторского отдела горкома, а в 1948 году Левин занял высокое кресло секретаря горкома партии. Возможностью воспользоваться материальными благами не пренебрегал: «В период проведения денежной реформы Левин незаконно приобрел большое количество промышленных товаров из склада хозотдела управления делами обкома и горкома ВКП(б); расходовал государственные и партийные средства на ремонт квартиры своих родственников; замешан в незаконном получении оружия, собранного у населения в период блокады Ленинграда».

В. А. Иванов и Б. А. Старков, опираясь на документы госбезопасности, описали двухэтажный особняк первого секретаря обкома и горкома ВКП(б) А. А. Кузнецова. По документам 1946 года этот особняк, именуемый как «объект Каменный остров», включал более 20 комнат без учета различных подсобных помещений. Среди них были две гостиных комнаты, три кабинета и одна библиотека, три спальни, две столовых, две ванные. Свой досуг А. А. Кузнецов мог проводить в кинозале либо в бильярдной комнате. В доме насчитывалось девять ковров, восемь ковровых дорожек и ковриков, редкой работы хрустальные люстры, мебель, художественные полотна, дорогая посуда. Всюду ощущалось стремление

хозяев особняка к роскоши и изысканности. Даже меню не напоминало об ужасающей ленинградской повседневности: столы украшали изысканные блюда и великолепное вино [6. С. 242; 15. С. 102].

Создать богатую обстановку, приобрести ценности в условиях блокады для людей, обладающих доступом к распределению продовольственных ресурсов или просто имеющих достаточное и регулярное продовольственное обеспечение, не составляло труда [10. С. 155–183]. Дополнительный тому пример – приобретение А. Я. Тихоновым мебели на хлебные карточки. Снятие блокады открыло перед и ленинградскими чиновниками новые способы обогащения.

«Скорпионы» и ленинградская партноменклатура

Источником относительно благополучной жизни партийного и исполкомовского начальства в послевоенном Ленинграде было не только полагающееся им денежное, продуктовое и промтоварное довольствие и незаконное расходование государственных ресурсов. Как выяснили В. А. Иванов и Б. А. Старков, в руках у органов госбезопасности имелись сведения о связях первых лиц Ленинграда, включая первого секретаря обкома и горкома ВКП(б) А. А. Кузнецова, с развитой коррупционной сетью, опутавшей весь город.

Сотрудники отдела по борьбе с бандитизмом в ходе агентурно-оперативной разработки «Скорпионы» обнаружили масштабную преступную группу во главе с матерым аферистом Николаем Александровичем Карнаковым. Она бралась решить любую проблему, включая оформление пропуска для въезда в город, незаконную прописку в Ленинграде, получение жилья, демобилизацию из армии, получение отсрочки от призыва, выдачу справок об инвалидности, прекращение уголовного дела и даже досрочное освобождение из мест заключения. Огромные масштабы приобрели незаконные прописки в Ленинграде: город, благодаря предоставленным после снятия блокады льготам и улучшенному снабжению промышленными и продовольственными товарами, стал привлекательным местом для проживания. Хотя порядок въезда в город и прописка были строго регламентированы, Ленинград быстро наполнился преступниками, количество уголовных преступлений стремительно выросло.

Многие члены преступной группы Карнакова были вооружены, а некоторые имели даже личную охрану. Директора промышленных предприятий, магазинов, баз, складов были обложены данью. Связанные с группой Карнакова работники прокуратуры и органов внутренних дел фабриковали следственные дела для вымогательства. В преступную деятельность были вовлечены более полусотни работников ленинградской милиции, почти полсотни сотрудников прокуратуры, суда и адвокатуры, десятков ответственных работников здравоохранения и соцобеспечения, работники райвоенкоматов, жилищной системы, торговых организаций, артелей, баз, столовых. Не остались в стороне чиновники партийно-государственного аппарата, включая высших должностных лиц города и области.

Нити следствия, ведущие в Смольный, оборвал лично начальник управления МГБ Ленинградской области генерал-лейтенант Петр Николаевич Кубаткин. Он находился в приятельских отношениях с А. А. Кузнецовым и был связан с коррупционерами, в частности, получил в подарок от «скорпионов» два трофейных автомобиля. В феврале 1946 года Кузнецов ознакомился с информацией о ходе операции «Скорпионы», но оставил её без реакции [4. С. 48; 6. С. 242–248; 15. С. 97–102, 104–105]. Ведь обвинения в коррупции, связях с махинаторами, предъявленные пусть не самому Кузнецову, а его подчиненным, могли серьезно повредить карьерным перспективам первого секретаря.

В марте 1946 года А. А. Кузнецов был введен Сталиным в Секретариат и Оргбюро ЦК ВКП(б). Распределение обязанностей между секретарями ЦК, оформленное решением Политбюро от 13 апреля того же года, сделало его одним из влиятельных членов высшего руководства СССР, несмотря на отсутствие полномочий члена Политбюро ЦК ВКП(б). На Кузнецова было возложено руководство управлением кадров ЦК ВКП(б) и «работой в области распределения кадров в партийных, советских и хозяйственных органах», председательствование и формирование повестки дня заседаний Секретариата ЦК ВКП(б), «вопросы руководства работой обкомов партии областей, входящих в РСФСР». Вскоре

его полномочия были несколько откорректированы [8. С. 26–27, 32, 36], руководство Секретариатом ЦК, если судить по протоколам, было возложено на А. А. Жданова. Тем не менее, А. А. Кузнецов оставался влиятельной фигурой на вершине власти.

Следом в июне в Москву перебрался и П. Н. Кубаткин, получивший должность начальника первого главного управления МГБ СССР. Но, как установил Б. А. Старков, почти сразу началось служебное расследование связей Кубаткина с ленинградскими криминальными структурами, он был временно отстранен от исполнения обязанностей. Хотя ряд фактов подтвердился, в ноябре расследование было прекращено, и Кубаткин получил место начальника управления МГБ Горьковской области. За внезапным прекращением расследования и новым назначением Кубаткина мог стоять А. А. Кузнецов [15. С. 105].

Дополнительный импульс расследованию «дела скорпионов» придал новый начальник управления МГБ Ленинградской области Д. Г. Родионов. Он постоянно информировал Министра госбезопасности СССР В. С. Абакумова и самого Сталина о положении дел в Ленинграде, в том числе «о беспорядках в ленинградском руководстве». Среди прочего он сигнализировал о напряженных взаимоотношениях двух амбициозных начальников – П. С. Попкова и его заместителя по горкому Я. Ф. Капустина, а также о компромате на своего предшественника П. Н. Кубаткина [15. С. 105–106; 4. С. 62–63; 1. С. 234–235]. По данным Б. А. Старкова, Сталина особенно интересовали связи П. С. Попкова, Я. Ф. Капустина, П. Г. Лазутина, члена Политбюро Н. А. Вознесенского «...и других высокопоставленных коррумпированных чиновников» с представителями оргпреступности. Из сообщений Родионова следовало, что ленинградское руководство занимается очковтирательством, игнорирует оперативную информацию органов МГБ о перебоях в снабжении продовольствием и промтоварами, не реагирует на сигналы о недобросовестном исполнении отдельными чиновниками своих служебных обязанностей [15. С. 106]. Детали сообщений Д. Г. Родионова в московские инстанции пока остаются недоступными для исследователей.

Даже далеко не полная источниковая база позволяет сделать предварительные выводы о том, что обвинения «ленинградцев» в злоупотреблении служебным положением имели реальные основания. Пресыщенная жизнь высшего ленинградского начальства, материальное обогащение за государственный счет на фоне ужасающей повседневности могли стать дополнительным фактором в принятии решения о жестком наказании основных фигурантов «ленинградского дела».

Следует отметить отсутствие доказательств того, что обвинения в коррупции были лишь поводом для расправы над «ленинградской группой». Длительная скрупулезная работа сотрудников финансовых органов, партконтроля и госконтроля, партийно-государственного аппарата по выявлению и документированию финансовых нарушений и различных злоупотреблений в Ленинграде выглядит абсолютно напрасной, если бы перед верховной властью стояла единственная задача – любыми средствами получить от обвиняемых необходимые, обличающие их показания. С подобной «проблемой» вполне могли самостоятельно справиться органы госбезопасности путем применения к обвиняемым мер физического воздействия. Важно и то, что многие факты и детали «антипартийного поведения» ленинградских чиновников не были преданы огласке даже на партийных форумах. Тщательно задокументированные, они были сокрыты в недрах архивов ЦК ВКП(б) и МГБ СССР и остаются там и по сей день.

Николай Стариков

Литература

1. Бережков В. И. Питерские прокураторы. Руководители ВЧК–МГБ. 1918–1954. СПб., 1998. 280 с.
2. Гарус В. С. Боронников Александр Иванович // Челябинская область: энциклопедия. Челябинск, 2008. Т. 1. С. 491.
3. Говоров И. В. Преступность и борьба с ней в послевоенном Ленинграде (1945–1955): опыт исторического анализа. СПб., 2004. 504 с.
4. Демидов В., Кутузов В. Последний удар. Документальная повесть // «Ленинградское дело» / сост. В. И. Демидов, В. А. Кутузов. Л., 1990. С. 5–174.
5. Зубкова Е. Кадровая политика и чистки в КПСС (1949–1953) // Свободная мысль. 1999. № 4. С. 96–110.
6. Иванов В. А. «Скорпионы»: коррупция в послевоенном Ленинграде (операция органов госбезопасности по ликвидации организованной группы преступников в январе 1946 года) // Политический сыск в России: история и современность. СПб., 1997. С. 238–250.
7. Поднять значение контроля и проверки исполнения в партийной работе // Правда. 1946. 29 августа.
8. Политбюро ЦК ВКП(б) и Совет Министров СССР. 1945–1953 / сост. О. В. Хлевнюк, Й. Горлицкий, Л. П. Кошелева, А. И. Минюк, М. Ю. Прозуменщиков, Л. А. Роговая, С. В. Соменова. М., 2002. 656 с.
9. Приговор // Судьбы людей. «Ленинградское дело» / гл. ред. А. М. Кулегин, сост. А. П. Смирнов. СПб., 2009. С. 59–61.
10. Пянкевич В. Л. «Одни умирают с голоду, другие наживаются, отнимая у первых последние крохи»: участники рыночной торговли в блокадном Ленинграде // Труды исторического факультета Санкт-Петербургского университета. 2012. № 9. С. 155–183.
11. Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 17. Оп. 50. Д. 1360.
12. Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 17. Оп. 54. Д. 2425.
13. Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 17. Оп. 118. Д. 553.
14. Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 17. Оп. 118. Д. 847.
15. Старков Б. А. Борьба с коррупцией и политические процессы в Ленинграде во второй половине 40-х гг. // Политика, общество, человек: к 85-летию доктора исторических наук, профессора А. З. Ваксера: [сборник статей]. СПб., 2008. С. 95–110.
16. Сушков А. В. Дело «танкового короля» Исаака Зальцмана. Екатеринбург, 2016. 300 с.
17. Центр документации общественных организаций Свердловской области. Ф. 4. Оп. 48. Д. 1199.
18. Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга. Ф. 25. Оп. 28. Д. 10.
19. ЦК ВКП(б) и региональные партийные комитеты. 1945–1953 / сост.: В. В. Денисов, А. В. Квашонкин, Л. Н. Малашенко, А. И. Минюк, М. Ю. Прозуменщиков, О. В. Хлевнюк. М., 2004. 496 с.
20. Шульгина Н. И. «Ленинградское дело»: пора ли снимать кавычки? Мнение архивиста // Жизнь. Безопасность. Экология. 2009. № 1–2. С. 281–289.